

Хосе Мануэль Арреги (справа сверху) воплощал в себе лучшие черты испанской интеллигенции и в качестве педагога был широко известен за пределами СССР. На фотоснимке он запечатлен с выдающейся семейной парой: поэтом-антифашистом Рафаэлем Альберти и его женой поэтессой Марией Терезой Леон. Рядом с Арреги их дочь Айтана Альберти.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ! МЫ ПРОДОЛЖАЕМ ПУБЛИКАЦИЮ ВОСПОМИНАНИЙ СЕНЬОРА ВИРХИЛИО ДЕ ЛОС ЛЬЯНОСА МАСА О ГОДАХ, ПРОВЕДЕННЫХ В ЛЕНИНГРАДЕ. НАПОМНИМ, ВИРХИЛИО БЫЛ СРЕДИ ИСПАНСКИХ ДЕТЕЙ, ЭВАКУИРОВАННЫХ В 1937 — 1938 ГОДАХ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ИЗ ИСПАНИИ, ОХВАЧЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНОЙ

ВЫРОСШИЕ В СССР

(Продолжение. Начало в номерах за 16 и 30 июля)

Наконец-то стали забываться пережитые тревоги, жизнь постепенно налаживалась. Лето 1941 года обещало быть интересным: на летние каникулы ребята отъезжали в лагерь возле Сестрорецка на берегу Финского залива. Меня же вместе с другими 25 испанцами из разных детдомов СССР ожидали сорок интеллигентнейших дней в знаменитом «Артеке». Мы заработали поездку в Крым школьными успехами. После «Артека» я должен был присоединиться к брату и сестре под Сестрорецком. Но все планы были порушены. Не радость — жестокие лишения принесли нам то лето, оставившее в душе неизгладимый отпечаток.

УЧИТЕЛЬ ХОСЕ МАНУЭЛЬ АРРЕГИ

Одним из испанцев старшего поколения, пливших в СССР вместе с ребятами из Астурии, был учитель Хосе Мануэль Арреги. В те дни на его плечи легла обязанность помогать детям в плавании из Хихона в Ленинград: Арреги пришлось стать и утешителем, и советчиком, и воспитателем. Он воплощал для этих детей, многие из которых осиротели, — отца. Его спокойствие и самообладание, ласковая приветливость утишали боль расставания с родиной и с семьей, переполнявшую детские души. Таким внимательным душевным человеком Арреги остался на всю жизнь, и таким запомнили его выросшие ученики, рассказавшие об Учителе своим детям и внукам. Пожалуй, Хосе Мануэль Арреги представлял собой идеал учителя.

...Он родился в Астурии в городе Пола-де-Сьеро, получил педагогическое образование и стал учителем в Хихоне. В первые дни мятежа Арреги записался добровольцем в армию Республики. В наши дни многие молодые читатели вряд ли помнят, чем была гражданская война в Испании для людей того времени. Эрнест Хемингуэй посвятил ей свой лучший роман, «По ком звонит колокол». (В какой-то степени сентябрьский, 1973 года, мятеж генерала Пиночета против законного правительства Чили и последовавший террор повторили испанский сценарий.) В 1936 — 1939 гг. Испания первой вступила в бой с фашизмом. Бой, к несчастью, оказался неравным.

Как любой порядочный человек своего времени, Хосе Мануэль Арреги взял в руки винтовку, чтобы защитить Республику. Он был ранен в бою и, очнувшись в госпитале после операции, обнаружил, что лишился руки. Но дух молодого астурийца (по отцовской линии в роду были также храбрые баски) сломить было невозможно; Арреги стал преподавать детям фронтовиков в школе, его назначили директором детского дома в Хихоне. Так судьба привела одиозного фронтовика-учителя в порт Мусель, откуда 23 сентября 1937-го 1100 детей эвакуировали в Советский Союз. В СССР он прожил 40 лет.

В 1945 Арреги стал преподавать испанский язык в Академии внешней торговли, а позже — в Дипломатической академии МИДа СССР. В 1965 году Арреги пригласили в Китай работать на Пекинском радио, где на иновещании он вел новостные выпуски на испанском языке. Его преподавательские заслуги высоко оценены в России: имя Хосе Мануэля Арреги вписано в Книгу почета Дипломатической академии МИДа.

В 1978 году Хосе Мануэль вернулся в родной город Пола-де-Сьеро. В 1995 году я получил от учителя последнее письмо, где он описывал свою жизнь на родине со свойственным ему философским чувством юмора: «Постороннему такая жизнь может показаться монотонной и даже скучной, без дорогих друзей, которых унесло время. Что же, это закон жизни. Мне 88, и болячки терзают плоть. Из большой семьи Арреги — пяти братьев и трех сестер — остались старший брат 93 лет, сестра, которой 90, и я...» В конверт Арреги вложил фотоснимок своего прощания с Москвой: он запечатлен на фоне храма Василия Блаженного на Красной площади.

...Ученики никогда не забывали Учителя. На его 90-летний юбилей они съехались со всех концов Испании, а также из России. Зал Дома культуры в Сьеро был переполнен, и не раз во время чествования на глаза сидевших в зале наворачивались слезы. Чувства присутствовавших выразила Арасели Руис, сказавшая в адрес Арреги дорогие слова: «Учитель. Воспитатель. Отец. Советчик».

...Мы знали, что ничему Арреги так не радовался, как знакомству с работой своих бывших подопечных, их достижениям и успехам. Он вел обширнейшую переписку с учениками многих выпусков на протяжении десятков лет. У меня в семейном архиве фото: инженер Лино Эрреро, получивший образование в СССР, водит старого учителя по турбинному залу электростанции «Salto Miranda-Belmonte».

Разве не символично: ученик Арреги и выпускник советского вуза — Лино Эрреро строил станцию, давшую свет тысячам домов Астурии?

...Хосе Мануэль Арреги был похоронен в родной земле в июне 2000 года при большом стечении народа. Мэр Сьеро сказал о нем, что старый учитель, много лет проживший в изгнании, пользовался глубоким уважением как на родине, так и за рубежом.

Хосе Мануэль Арреги прощается с Россией на Красной площади в Москве.

Инженер Лино Эрреро, получивший образование в СССР, водит старого учителя по турбинному залу электростанции «Salto Miranda-Belmonte».

НЕУДАВШАЯСЯ ХОРОВАЯ КАРЬЕРА

...Как я уже писал в предыдущей главе, в конце 1938 года после карантина в «Англетере» мы с сестрой и братом попали в испанский детдом № 9 на Невском проспекте. Он располагался в огромном двойном здании, подвал которого с бронированными дверями был приспособлен для убежища в случае войны и химической атаки. Наши новые испанские друзья, «старожилы» детдома с 1937 года, ощущали себя ветеранами и знатоками местной жизни и весьма этим гордились. Это касалось в первую очередь знания русского языка — каждый из них рвался перевести новичкам в разговорах с воспитателями. Самые зловредные, «помогаля» наивному новичку, добавляли к русской фразе грубое слово.

Сразу после приезда в детдом я решил принять участие в репетиции хора. Несмотря на врожденное отсутствие музыкального слуха, мне очень нравилось, как слаженно хор исполняет астурийские, баскские и русские песни.

Я встал в ряд еще до прихода руководителя хора Тувиля Марковича. Сосед слева поинтересовался, почему я занял это место. Не зная, что певцы располага-

ются по рядам в соответствии с голосовым регистром, я ответил соседу, что я выше его ростом. Это ему явно не понравилось. Чтобы насолить мне, он спросил, знаю ли я, как следует приветствовать Тувиля Марковича. Я знал только «Добрый вечер, товарищ!» Сосед посоветовал добавить слово «больван» — русское звание дирижера. Это слово легко запомнилось.

Когда Тувиль Маркович появился в зале, участники хора в ответ на его приветствие прокричали «Добрый вечер!» А я, напрягая голос, продолжил: «...товарищ больван!»

Хохот поднялся неимоверный. Реакция на мое приветствие была мгновенной и очень нервной — указкой на дверь. Я покинул зал. Этот урок русского языка пошел мне на пользу и запомнился. С тех пор, прежде чем произнести какую-нибудь фразу, я проверял у двух-трех товарищей, как она звучит по-русски.

...Режим дня в детских домах был напряженным, но здоровым. Учеба шла на обоих языках. По вечерам и в свободные дни мы ходили в театры или в кино. Часто устраивались встречи с советскими школьниками, мы записались во всевозможные кружки во Дворце пионеров. Именно там я научился танцевать, играть на некоторых музыкальных инструментах, строить модели судов и самолетов, кататься на коньках. Летом нас вывозили в лагерь на берегу Финского залива или в другие пионерские лагеря в живописных местах Ленинградской области. Возникает вопрос...

БЫЛИ МЫ СЧАСТЛИВЫ ТОГДА?

Ответ можно найти в письмах, которые мы — в основном моя сестра Кармен — писали отцу, к тому времени уже жившему в Москве. (Вирхилио Льянос Мантека добровольцем влился в ряды защитников Республики и с августа 1936 года воевал. Он защищал Мадрид, участвовал в боях на Хараме, был ранен и контужен под Брунете. Позже его назначили генеральным комиссаром Восточного фронта: несмотря на жестокие боли в ногах, он и дальше участвовал в боях. Политкомиссар XXI Армии, затем XII Армии, вместе с тысячами усталых и злых республиканцев отступал отец из Каталонии во Францию.)

На территории Алжира — тогда французской колонии — Вирхилио сначала бросили в тюрьму, а позже перевели в концлагерь. В те дни испанские республиканцы чувствовали, что их предали.

«Вместе с другими я брошен в концентрационный лагерь французской демократии», — писал отец в автобиографии спустя годы. 25 апреля 1939 года он получил от друга письмо, адресованное в концентрационный лагерь Суццони, Богар, Алжир: «Надеюсь, ты уже заполнил прошение на предмет эмиграции в Мексику или куда-нибудь еще. Военные кадры, как ты знаешь, едут в другую страну, куда, возможно, и тебе было бы интересно поехать. В этом случае у тебя там будет много друзей...»

Надо ли говорить, что «другой страной» был Советский Союз, где в ленинградском детдоме уже жили мы трое... В автобиографии отца сказано: «Из концлагеря меня выгнали СССР, и 14 мая 1939 года я вернулся в Советский Союз в качестве политэмигранта.»

Из писем Кармен:

«Ленинград, 10 сентября 1940 года. Самый любимый папа!

...У Карлоса в Вирхилио все хорошо. Я же часто плачу по ночам, и однажды мои подружки по спальному сообщили об этом директору. Он меня вызвал и спросил, что со мной происходит. Я сказала ему правду: я не больна и вполне довольна детдомом, но меня очень расстраивает то, что нас не отправляют к тебе... Я даже братка кормила еще лучше, так как ему надо набирать вес и окрепнуть физически...

...О здоровье Карлоса я говорила с директором и с доктором. Он сказал, что Карлос значительно прибавил в весе. Врач распоряжается, чтобы брата кормили еще лучше, так как ему надо набирать вес и окрепнуть физически...

Прими всю любовь от дочери, которая тебя обожает, Кармен».

«Ленинград, 5 января 1941 года.

...1 января у нас проходил новогодний карнавал. Девочки надели красивые платья и мантильи, а мальчики нарядились мушкетерами, маврами. На мне было платье, которое сшила сама. Больше всего запомнилась коррида. Вирхилио и еще один мальчик были тореадорами в красивых костюмах и сражались с картонным быком, внутри которого находились двое ребят. Карлос тоже участвовал в корриде, не помню только, был он бандерильеро или пикадором. Все прошло замечательно. В конце Вирхилио заработал «хорошо быка» и бросил его мне. Ты не можешь себе представить, как ему аплодировали, он все проделал с невероятной грацией.

Эти зимние каникулы очень хороши. Недавно мы слушали оперу по сказке Пушкина, а скоро поведем дом отдыха на Финский перешеек. Мы проводим время очень хорошо. Кармен».

«Ленинград, 13 февраля 1941 года. Любимый папочка!

...Сегодня у нас праздник в честь пятилетнего юбилея выборов и победы Народного фронта в Испании. Все группы выпустили стенгазеты. Я тебе отправила свои стихи «Посвящение Испании» и «Возвращение тебе они? Кармен».

«Ленинград, 25 февраля 1941 года.

Дорогой папа, привет! Пишу тебе от имени всех троих — урки закончились, и есть свободное время.

В воскресенье наш детдом участвовал в военной игре против русской школы. Нам отвезли в лес, где снег лежал по пояс. У нас был план местности, и каждый командир имел секретную карту, которую надо было открыть в определенный час. Задача была захватить флаг «неприятеля».

Согласно плану мы, 15 лыжников, должны были появиться в тылу врага и захватить флаг. Долго бродили мы по лесу в тылу врага. Наши передовые дозоры видели русских. У них там мало людей, и они нас не ожидали. По команде командира мы бросились на них и захватили флаг... Скоро пошлем тебе снимок — в субботу нас будут фотографировать.

Ну, пока все, передаю тебе огромное количество поцелуев и объятий от твоих детей, которые тебя любят и не забывают. Карлос, Кармен и Вирхилио».

ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА

На рассвете 22 июня 1941 года на советскую землю ворвалась война — одна из самых жестоких в истории человечества. В пожаре

Великой Отечественной сгорели миллионы жизней. Нас трюх война разлучила и разбросала.

Кармен провела 240 дней в блокадном Ленинграде. Испанские девушки ухаживали за ранеными в госпиталих. Пораженную цингой — болезнью голодавших людей, — сестру вместе с другими испанскими подростками эвакуировали по Дороге жизни через льды Ладожского озера. Потом их на поезде отвезли на Северный Кавказ, с целью переправить к Черному морю.

22 августа 1942 года высадившийся в советском тылу вражеский десант захватил в плен группу детдомовцев на дороге к спасительным горным перевалам. Три мучительных месяца, через всю оккупированную Европу, грязных и больных юношей и девушек везли в Испанию. Франкистские газеты трубили об их «освобождении от красных германскими войсками Рейха».

Когда в предвоенном Ленинграде сестра писала стихотворение «Возвращение в Испанию», никто не мог вообразить, что ее встреча с родиной произойдет в столь страшных обстоятельствах. Кармен было тогда 18 лет. Карлоса война застала в детском санатории под Ленинградом. Вместе с другими его сразу эвакуировали в Костромскую область, а оттуда — на Урал, в Миасс.

Автора этих строк война застала в «Артеке», откуда меня отправили в подмосковный детский дом № 1.

...Так неожиданно испанцев, спасенных от бедствий одной войны, настигли тяготы другой. Что нас ожидало?

В ПОИСКАХ ДИВЕРСАНТОВ

До поры до времени гул войны был далеко. Только когда правда под Москвой. Нам объясняли, что целью операций было обезвреживание диверсантов, которых забрасывали в подмосковный тыл для дестабилизации обстановки. Те ночные лесные учения были продолжением военных игр, частых в советских школах. Газеты много писали о переодетых шпионах и даже публиковали фотографии их одежды и вооружения — автомат, пистолет, клинок, ручные гранаты. Глядя на этот боевой арсенал, было трудно поверить, что вооруженные палками подростки могли безобасист врагов. Лишь некоторым из нас при прощывании леса выдавались мелкокалиберные спортивные винтовки. К счастью для себя, мы так и не обнаружили ни одного шпиона.

Эвакуация нашего детдома началась неожиданно.

К концу лета гитлеровцам удалось развить операцию «Тайфун». Ее целью в соответствии со стратегией блицкрига был скорейший захват Москвы. Фашистские орды рвались к столице, сев разрушение, ужас и смерть. В конце сентября испанский детдом № 1 срочно отправили в эвакуацию. Мы погрузились на теплоход в маленьком порту на канале Москва — Волга недалеко от деревни Тишково. Кают на всех не хватало. Старшие, укутавшись, спали на палубах, ибо ночи в конце сентября были уже холодными. На двухпалубном теплоходе мы плыли на юг по Волге, но место назначения было нам неизвестно. Воды канала были спокойными, а волжские берега — живописными.

В жизни моей не видел я ничего прекраснее, чем русские осенние леса, пылавшие золотом и пурпуром в лучах заката. Не верилось, что в двухстах километрах от этого величавого покоя лилась кровь, гибли люди.

НЕМЦЕВ УВОЗИЛИ НА НАШИХ ГЛАЗАХ

Оказалось, что мы плыли в Автономную республику немцев Поволжья, которая несколько дней назад перестала существовать. Таков был приказ Сталина.

Более 600 тысяч населения — мужчины и женщины, старики и дети, больные и здоровые — были спешно депортированы на дальние земли Урала, Казахстана, Киргизии, Республики Коми и Сибири. Большинство этих людей были потомками немецких поселенцев, приехавших по приглашению царского правительства во второй половине XVIII — первой половине XIX века.

Приказ Сталина был секретным. Очень немногие, за исключением жертв депортации и специальных дивизий НКВД, ее проводивших, знали о происходящем.

Наш теплоход пристал к небольшому дебаркадеру, на котором по-русски и по-немецки было написано: Куккук.

В это самое время от соседнего дебаркадера готовились к отплытию судно с местными жителями. Оттуда доносились плач и крики — немцы Поволжья прощались со своей родиной навсегда.

Отдаются швартовты, три длинных гудка, силуэт теплохода тает в утреннем тумане, затихают крики его несчастных пассажиров.

...По прошествии столетий лет вспоминаешь события, происходившие на твоих глазах, и понимаешь, что в юности ты их не анализировал. Почему?

Разве нам была безразлична трагедия людей, которых отрывали от родной земли, — совсем недавно мы сами лишились родины?

А может быть, тогда было страшно об этом задумываться? Откуда всем возвышалась тень «святого» Сталина. Его имя отождествлялось с революцией и социальным прогрессом. Уважение к вождю в нас с малолетства воспитывалось отцами.

Или молодой эгоизм мешал осмыслению таких вопросов, когда собственная жизнь ставила перед нами задачу на выживание?..